

УДК 165.6

**ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА Г. ШПЕТА*****Е.Н. Юркевич**
Харьков, Украина

Хайдеггеровская герменевтическая феноменология (герменевтика фактичности) в отличие от гуссерлевой дескрипции сосредоточена на феноменах до-теоретического дорефлексивного характера. Центральным пунктом герменевтики фактичности является герменевтика Da-Sein (вот-бытия), которая автономизирует и унифицирует экзистенцию.

Наряду с уже известными общими для Хайдеггера и Шпета теоретическими положениями (общий теоретический источник – философия Э. Гуссерля, онтологизация понимания, разграничение бытия и существования, опора на идеи Платона), выделены также и отличительные особенности их герменевтической феноменологии: идеи «вслушивания» (М. Хайдеггер) и интеллектуальной интуиции (Г. Шпет), явленности бытия в языке (М. Хайдеггер) и культурной архетипичности слова (Г. Шпет).

Особенностью герменевтической концепции Шпета является рассмотрение языковых аспектов сознания, вследствие чего феноменологическая рефлексия приобретает характер герменевтического акта: «я» обретает собственный смысл и значение в «сфере разговора» путём истолкования. Таким образом, феноменологическая редукция (обретение чистого «я» по аналогии с эмпирическим «я»), согласно Шпету, является методом самоистолкования, т.е. герменевтическим методом. При этом чистое «я» понимается интуитивно; в этом «я» смысл и значение отождествляются, или смысл понимается Шпетом (в отличие от Гуссерля) как расширенное значение.

В отличие от Хайдеггера, Шпет помещает сознание в социальный контекст, который создаёт возможность бытия разума, возможность «уразумения». Шпет изучает, по сути, интуицию социальных феноменов в отличие от чувственной и эйдетической (идеальной) интуиции. А также – языковое сознание, следующее этой интуиции. В свою очередь, «языковое сознание» обнаруживает и «культурное сознание», которое представляет собой феноменологический процесс.

«Культурное сознание», согласно Шпету, представляет понимающий разум (в отличие от чистого разума), диалогичный по своей сути. В свою очередь, диалогичные отношения представляют элементарную структуру соборных отношений. Так сознание предстаёт в качестве коллективного предмета.

Язык рассматривается Шпетом как средство взаимопонимания, как «круг общения» метафизическим содержанием которого является «дух общения» с последующим созданием «сферы разговора». Логика общения представлена у Шпета герменевтической диалектикой части и целого, переходом от автосемантики к синсемантике и обратно.

Понимание основано также на внутреннем чувстве языка, или духовной способности его образования и употребления. Эта духовная деятельность способствует «возведению научного здания миропонимания», которое отличается у разных культур и народов. Шпет приемлет также идею онтологии языка Гумбольдта, на основании которой формируется метафора «живого языка» (как субъекта). Отсюда выводится возможность энергичного взаимодействия с

языком как субъектом и идея понимания, включающая не два, а три субъекта (тройственная коммуникация).

Речевые акты представляют собой явление «языкового сознания», двумя сторонами которой является речь и понимание. Языковое сознание находит своё единство и смысловую определённую в культурном сознании. В языке содержится «архетип и начало» культурного сознания. И в этом смысле философия языка «есть принципиальная основа философии культуры» (Шпет).

«Живой язык» создаёт, в свою очередь, «живой смысл» как самотворящий предмет познания. Следовательно, вторичный уровень понимания – понимание смысла – есть понимание понятого. В отличие от Гумбольдта, Шпет рассматривает «чисто артикуляционное чувство» в аспекте предпонимания, которое представляет социальное лицо человека. Из этого выводится подлинно человеческая функция языка в отличие от языка животных. Таким образом, и в понятиях как логических формах представлен разум, понятое значение. Понимание языка есть понимание его внутренней формы, и интерпретация является восстановлением понятого значения. В актах понимания создаётся культурный смысл, переданный словом. В интерпретации открывается социокультурный контекст и расширяется его горизонт.

Таким образом, учение Г. Г. Шпета представляет и теоретически оправдывает особую герменевтическую культуру, характерную для восточнославянской герменевтики.

УДК 168.522

О СЕМИОТИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА*

*Л. А. Кривцова
Иваново, Россия*

Традиция представления семиотического метода как универсального средства для изучения практически всех явлений, как окружающего мира, так и человеческой культуры, берет свое начало в трудах обоих общепризнанных основателей этого не только методологического направления, но можно сказать и особого мировоззрения, Ч. С. Пирса и Ф. де Соссюра. Однако сведение всех знаковых систем к типу естественного языка уже не раз подвергалось критике, и, как следствие, одними из основных проблем семиотического дискурса становились две проблемы: с одной стороны, задача выявления уникальности и своеобразия различных знаковых систем, и, с другой стороны, общие основания, дающие возможность объединять семиотические системы в единый феномен.

Исходя из посылки, что знаком может выступать любая вещь при наличии ряда факторов: предметы (денотаты), значения (смыслы), интерпретаторы (субъекты, участвующие в семиозисе) – мы определяем следующие компоненты семиозиса в изобразительном искусстве. Знаком выступает картина, объект, артефакт, созданные художником или экспонируемые им. Денотатами являются предметы или явления реальности, изображенные на картине, но так как